

Александр Иванович Куприн

Гад

Александр Иванович Куприн

Гад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2525405

Аннотация

«Все это случилось в Киеве, в Царском саду, между июнем и июлем. Только что прошел крупный, быстрый дождь, и еще капали последние капли... а я все ждал и ждал ее, сидя, как под шатром, под огромным каштановым деревом. Где-то далеко взывали хроматические выходящие гаммы трамваев. Дребезжали извозчики. И в лужах пестро колебались отражения электрических фонарей...

Ах, только те люди, которым было когда-нибудь двадцать лет, поймут мое волнение!...»

Александр Иванович Куприн Гад

*Ах! только тот, любовь кто знал,
Кто знал свиданий жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стра-а-жду!*

Все это случилось в Киеве, в Царском саду, между июнем и июлем. Только что прошел крупный, быстрый дождь, и еще капали последние капли... а я все ждал и ждал ее, сидя, как под шатром, под огромным каштановым деревом. Где-то далеко взывали хроматические выходящие гаммы трамваев. Дребезжали извозчики. И в лужах пестро колебались отражения электрических фонарей...

Ах, только те люди, которым было когда-нибудь двадцать лет, поймут мое волнение!

Она ясно, твердо и определенно сказала: «От Минеральных вод, войдя в калитку, первая скамейка направо, ровно в девять часов вечера». Конечно, я пришел на условленное место в восемь часов и долго подозревал, что часы на городской думе идут очень медленно. Бог знает, может быть, за ними никто не смотрит? Несколько раз я бегал на улицу Крещатик

и смотрел на освещенный циферблат. Но время как будто бы остановилось. Остановилось именно мне назло. Иногда мне приходила дикая мысль: может быть, в то время, когда я бежал смотреть на часы, она приходила, не нашла меня, рассердилась и ушла? Может быть, она прошла мимо, а я не заметил? А ведь вопрос шел о жизни и смерти. Мы должны были пойти к моему другу и сказать ему: «Я честный человек. Я люблю твою жену, она любит меня. Обманывать мы тебя не хотим. Мы уходим вместе».

Капли падали на землю все тише и реже. А может быть, она ошиблась? Может быть, назначила не ту калитку? Не ту скамейку? И перочинным ножичком я вырезаю на гнилой доске: «Был такого-то числа такого-то года от 9 – 10». А может быть, просто она испугалась дурной погоды или, позабыв о часе, спокойно пудрится перед зеркалом?

И вот, наконец, вдали мелькает чей-то тонкий черный силуэт. Конечно, это она! Сердце останавливается на секунду, и потом бешеный толчок, кружится голова и перед глазами бегут какие-то огненные звезды. Нет, это не она. Женщина говорит басом:

– Душка штатский, дозвоьте прикуриться?.. И опять начинаются мучения. Я разговаривал сейчас с этой женщиной, а может быть, она видала через решетку и из брезгливости ушла.

Конечно, хватаешься за мысль о самоубийстве. Ведь смолоду это так легко делается! Я опускаю голову на ладони,

стискиваю лоб и раскачиваюсь взад и вперед. И вдруг слышу рядом с собой голос:

– Да, молодой человек, я тоже об этом подумывал, когда мне было столько же лет, сколько вам теперь...

Я даже не успел заметить, когда этот человек сел со мною рядом, но уже почувствовал, что голос у него печальный, и дорисовал его наружность: высокий рост, котелок, мокрые, усталые глаза и длинные, висячие вниз усы.

Я ему сказал кротко:

– В Царском саду очень много скамеек. Почему облюбовали вы именно мою скамейку?

Он закурил, откашлялся и начал, как будто бы робко:

– Видите ли. Вы сейчас ожидаете женщину, которая к вам не придет, я в этом уверен. Потому что это я вижу по вашей молодости и по вашему нетерпению. Она вас, извините, только дурачит. А я просто-напросто выслеживаю одну даму: с кем она сегодня пройдетя – с военным или штатским.

– Пожалуйста, выслеживайте кого угодно. Но помните, что я с вами не знаком и выслушивать вас не склонен. Неужели это ваша профессия – шпионить за женщинами?

– Ах, совсем нет! Эта женщина – моя жена. А я – гад.

Теперь представьте себе муки неудовлетворенной любви, двухчасовое ожидание, а рядом, из Минеральных вод, несутся звуки оркестра, играющего антракт перед четвертым действием «Кармен». Представьте темноту в саду и лужи, освещенные фонарями – там, на улице... И человек, которого я

не знаю, только чувствую в темноте, спокойно докладывает, что он «гад»... Что-то скользкое, противное, холодное ползет по мне... Не во сне ли я?..

Но он, как будто бы читая мои мысли, говорит:

– Собственно, сказать гад – это такое дурацкое слово...

Моя профессия, то есть, вернее сказать, я этого... того... прорицатель... предсказатель, то есть гадалщик на картах и на другом, а здесь народ все серый, необразованный... Гадалку так и зовут гадалкой, а если мужчина – то гад. Вовсе не думайте, что это легкая профессия. Еще раньше было туда-сюда. Приезжаешь в какой-нибудь город Проскуров или Крыжополь. Сейчас же первым делом визит. К кому? К исправнику, к становому приставу. Ну, конечно, ясно, барашка в бумажке... В офицерское собрание завернешь...

Там весь народ молодой и веселый... Покажешь им несколько фокусов на картах, опыты шпагоглотания, ксилофон с карандашом в зубах, куплеты на злобу дня и еврейские анекдоты, и затем рискованный номер: капитан с несгораемым желудком, то есть выпьешь стакан керосину и стеклянным блюдечком закусишь. И они тебя напоят и накормят, а главное, не спрашивают, откуда ты пришел и куда идешь. Прекрасные молодые люди. Потому что сами по душе и по профессии бродяги. Конечно, в самом благородном смысле. Искатели пряных впечатлений.

Но главное ведь для нас то, что за это время я моей провинциальной публике успел уже примелькаться. Сейчас

же еду в еврейскую типографию, которая печатает «Крыжопольский курьер» в количестве пятнадцати экземпляров, а также и визитные карточки на ручном станке. Договариваемся в два слова. Делаю там кредит, кредит у парикмахера, в бане и в гостинице. И на другой день на всех заборах наклеены плакаты:

«Случайно, проездом через этот город, лейбмаг царя персидского и придворный предсказатель абиссинского короля, Тер-Абрам-Хахарьянц, даст несколько сеансов чревовещания и ясновидения по способу известной хиромантки Ленорман, а также мадам Тэбу и мэтра Папюса: на картах, на бобах, по линиям рук рассказывает будущее, настоящее и прошедшее. От многих коронованных особ личные похвалы (факсимиле). Частные приемы от 11 утра до 3 ч. пополудни. Трудящемуся народу, нижним чинам и ученикам значительная скидка. Замечательно! Редко! Единственный случай увидеть всю свою жизнь в стакане воды».

С мужчинами обыкновенный разговор. Ведь мужчина, хотя он и дурак, и уши у него холодные, и, так сказать, вообще осел, но он все-таки думает, что у него душа тигра, улыбка ребенка, и поэтому он красавец. А стало быть, смело ври ему в глаза: «Вы очень, очень вспыльчивы, и бог знает, что вы можете наделать в раздражении, но зато вы великодушны и отходчивы». Это он легко глотает, как слабительную пилюлю «Ара». Затем ты ему говоришь: «До сих пор еще никто не понял вашего характера, вы являетесь загадкой». От-

кровенно говоря, какая тут загадка: он просто паспортист из участка, или конторщик, или писарь, или кандидат на штатного телеграфиста, но по службе нет движения. Хреновина. Однако все-таки он клюнул, и уже – ходячая дешевая реклама. Потом, конечно, к тебе придут и исправник и становой. Так... как будто от нечего делать. Но я уже вижу, что и подусник у него дрожит, и рука мокрая от волнения.

А по правде, главный наш клиент – женщина, и чем она по своему социальному положению проще, тем легче ее выставить из монет...

– Зачем вы все это мне рассказываете? – спросил я, тоскуя.

– Ах, боже мой! Да ведь молчишь, молчишь, хочется с кем-нибудь поделиться... Так вот я и говорю: женщина всегда думает либо об муже, либо о женихе, либо о любовнике, или о брате, о сыне, об отце. Ей просто я и говорю: «У вас сердце беспокоится о трефовом короле». Сейчас же вижу по глазам, что ее субъект каштан и старик с проседью, и строго себя поправляю: «Виноват, как раз пиковый король». И вся она от радости затрепыхается. Тут уж ври почем зря. А некоторые даже плачут и просят: «Нет ли у вас приворотного зелья, господин Гад? Или средства вернуть молодость?» Ну, я этими вещами не торгую. Оно, конечно, соблазнительно рискнуть, а потом иди, бренчи кандалами до Соколиного острова. Удовольствие из средних. Не так ли? Многие от этих средств, подлецы,дохнут.

Но простые женщины – это для нас шик и апельсин. Приходит, например, кухарка. Ведь она, дурища, круглые сутки около плиты жарится. Стало быть, в кого она должна быть влюблена? Несомненно в товарища по оружию – пожарного. Уж будьте покойны, когда на улице где-нибудь пожар, то со всего города кухарки сбегаются. Ствольщики, трубники, скачки, свистовые, а он, герой, сидит и сдерживает пегих жеребцов, а у них пена с морды падает. Его спросят: «Какой ты части?» А он только сплюнет набок, ничего не скажет. А факел горит на каске. Поэтому кухарке прямо я и говорю: «Он высокого роста, брюнет (все равно он – в саже весь вымаран). Герой, но незаметный. Больше, чем какой-нибудь полковник или Наполеон. Одет в серое и много спас человеческих жизней». Кухарки все мнительны, по утрам чрезмерно пьют кофе, слабонервны, суеверны до парадокса. И, право, даже стыдно с нее брать три рубля. Бывало, уговариваешь: «Да не нужно, матушка, так много». – «Возьми, возьми, отец, Гад, батюшка. Тебе, родной, пригодится».

Зато интеллигентные торгуются. «Я, говорит, в Париже бывала у самой госпожи Тэб и у мосье Филиппа, и те ничего с меня не брали, считая за честь, что у меня такая редкая линия руки»... Ну их совсем...

Теперь дальше. Возьмем горничную. Ведь вот вся ее судьба в твоих руках. Барыня-стерва. Барин ухаживает. Студент только поигрался, да и за щеку. Штабной кавалер обещался замуж взять, да ведь обманет, подлец!

Пожилая женщина любого сословия раскусывается, как орех. Она всегда или теща, или свекровь, или престарелая любовница, на дочери которой неизбежно женится ее любовник. Ври ей, сколько хочешь, про коварного мужчину. Она будет только поддакивать. «Так вы говорите – подлец он?» – «Нет, сударыня. Я не смею так выразиться определенно, но карты говорят, что человек он из-под темной планеты». Тут она в слезы! «Ах, как вы это тонко угадали!»

– Извините, я не надоел вам своей болтовней?

– Нет, отчего же? Кстати, не знаете ли, который теперь час?

Он открыл часы и осветил их огнем папироски:

– Без четверти одиннадцать... Вы сами видите, что хлеб наш очень нелегкий. Однако кормились мы им по-немножку. Все-таки, худо-худо, пятерка набежит за день.

Но бывали и тяжелые положения. Мертвый, избитый город. До тебя побывало пятьдесят человек. Ничего не поделаешь. Заколodило. Полиция свирепа. Публика не хочет идти... Приходилось и стрелять на улице – благо язык хорошо подвешен... На бывшего чиновника, на политического студента, на сельского учителя... Грехи!.. А тут еще зубами ляскают свои, городские специалисты... Прошенья писал по трактирам. Но и там есть свои юрисконсульты, очень ревнивые люди. Чуть пронюхали – мордобой, и всегда у него свидетели и заступники. Стало быть, зализывай свои раны, и езда в другой город зайцем, не то пешком. В этих жесто-

ких случаях, бывало, уговоришь какую-нибудь заблудящую бабенку на говорящую голову и на опыты магнетизма и ясновидения. Это вам, конечно, самому известно, как делается: лежит она, облокотившись локтем на острие, подперевши ладонью щечку, а все остальное тело, без никакой подпорки, распростирается горизонтально. Пустяшный номер. Ну, там иголкой колоть по системе доктора Шарко – это ерунда. Двойная иголка. Внутрь уходит. Но, главное, здесь переход к ясновидению. Угадывать, что за предмет у зрителя: часы, брелок, афиша, портмоне, сколько денег, какие деньги, бинокль, веер, перчатки и тому подобное. Вообще больше тридцати – сорока предметов редко бывает у публики. Итак: шесть прямо, шесть вниз, шестью шесть – тридцать шесть. Всего тридцать шесть условленных предметов. Вроде разговора по тюремной системе. И, представьте себе, никак ей, дуре, не втемяшить. Еще, что попроще, пожалуй, заучит как попугай. Наводящие слова:

«Теперь что?», «А теперь?», «Какой предмет?», «Это что?», «Что я держу в руке?» и тому подобное. А уж что-нибудь особенное, например, старинная платиновая монета, то тут начинаешь метаться, как тигр в клетке, ерошишь волосы, потеешь, рычишь, дрожишь и выбрасываешь из себя разные слова. Ну, скажем, например, платина... Бросаю отрывисто, точно в припадке: «Подождите... Ловите мою мысль... А, как трудно... Теперь вы меня поймете?.. Итак, я вам внушаю... Ну, я вам приказываю!..» И дальше со вздохом: «А

впрочем, я не ручаюсь...» Словом, простой акростих в именинных стишках. А она, конечно, стоеросовая дубина, только рот разинет и оконфузит тебя перед публикой: «Пташка!» Подумаешь, тоже пташка – в бабе без пятнадцати фунтов шесть пудов. А вы сами знаете, наша уездная публика какая: деньги назад и сейчас же предсказателя бить. Первое у них правило. Вот, уверяю вас честным, благородным словом: у меня места живого нет на теле.

У вас папиросочка потухла, не угодно ли свеженькую, домашнюю?

Перестали совсем падать с деревьев последние капли. Летняя ночь вдруг улыбнулась, точно капризница, которой надоело сердиться. И сладко, сладко запахло розовые свечи каштанов, запахло так, как они пахнут только после вечернего быстрого летнего дождя или на раннем рассвете, пока город не заглушил их тонкого аромата. Я и хотел уйти, – и не мог. Что-то бесконечно противное и близкое мне было в неожиданной исповеди этого человека. Я уже не ждал и не волновался. И лениво, как следующая, но неизбежная глава надоевшего романа, тянулось продолжение рассказа.

– Вот так-то мне и попалась однажды моя супружница, или там как вы хотите понимайте. Всю эту ясновидящую механику она поняла гораздо быстрее, чем я. Да еще усовершенствовалась. Доходили мы с ней до того, что даже в маленьких цирках, называемых «шапито», делали представление. Но все-таки после пяти-шести вечерних представлений на-

клеиваю афишки, что в номерах, мол, Когтяева от двух до пяти сеансы предсказания будущего с ясновидением настоящего и прошедшего. Если разрешат – прекрасно, а если нет – то в сто раз лучше. Понимаете – тайна!

И сам боишься, и пациентам страх передается. Да и в самом деле, подумайте: пришла кухаренция, я в ее присутствии усыпляю Августу (ее звали Августой), и – трах-тарарах – сразу известно, где она купила ботинки, и как зовут ее хозяйина, и сколько ей по-настоящему лет, и сколько детей, и из какой она губернии и уезда, и сколько процентов получает в лавке (десять). Это кухарка все мне на ухо говорит в другой комнате, а я Августе передаю гипнозом.

– Гипноз! – вдруг воскликнул он, сторбившись, и долго хохотал и кашлял. Потом выбросил изо рта папироску, выпрямился и продолжал: – Большие мы с ней дела делали. Я ведь, ей-богу, и до сих пор не знаю, из каких она. Образованная, к иностранным языкам была способна: французский, немецкий, польский, английский. Но вот, черт побери, какая-то непонятная есть у нее страсть к военным. И не то чтобы к офицерам и генералам, а непременно к простым артиллеристам-солдатам, к фейерверкерам, бомбардирам и наводчикам. Я думаю, что это даже такая особая болезнь... Как вы думаете?

– Право, я не знаю. Может быть, и так.

– Словом сказать, всегда, среди самых спокойных дел, она вдруг исчезает и непременно кассу умыкнет, и нет от нее

ни следа, ни гласа, ни послушания. И, как назло, налаживаются комбинации самые золотые. Но что поделаешь? Я уже без нее и врать не могу. Воображения не хватает. Привык... Разыскиваю ее – не найду. И нет и нет работы. Положение в городе становится совсем бамбуковое. Публика больше не ходит. Приезжает какой-нибудь паршивый неожиданный конкурент, и приходится, ночью, оставить чемоданы в гостинице, сунуть паспорт в боковой карман и бежать в первый попавшийся город.

Сначала все трепетал, что она меня не сумеет разыскать, писал в брошенную гостиницу свои адреса на открытках. Нет-таки. Точно чутьем каким собачьим разыщет, приедет – и опять весь город в наших руках. Сыпятся бешеные деньги.

Выкупаю чемоданы, фрак, ордена Гонолулского принца, ем ежедневно бифштекс и запиваю английским портером. Приходит она ко мне жалкая, излинявшая, часто подбитая, нетрезвая, но, увы, живучая, как кошка, быстро поправляется и входит в тон, и работает, ну просто как ангел. И так из города в город.

Провал и успех. Декокт и Валтасарово пиршество. Восторги публики и, не говоря ни с кем ни слова, плащом прикрывши поллица, марш по шпалам.

А тут как раз время подоспело удивительно горячее. Точно все люди сделались сумасшедшими. Прежде приезжаешь в город, как тать в ночи, не знаешь, кого куда поцеловать, чтобы разрешили. Случалось, ни с того ни с сего какой-ни-

будь чин вдруг покраснеет, да затопает на тебя ногами, да так зыкнет, что только едва-едва пролепечешь про себя молитву «Помяни, господи, царя Давида» и, как кузнечик, сиганешь в другой город.

И вот ни с того ни с сего, точно по мановению волшебного жезла, приезжаешь в какой-нибудь город, даже в губернский, и видишь, что перед тобой все лебезят. И становой, и ротмистр, иногда и сам полицмейстер, и городской голова, и уже непременно предводитель дворянства. Ну, положим, предводители все моты, страдают одышкой, раскладывают пасьянс, и жены бьют их туфлей по голове. Это уж как всегда. Дворяне.

Стоит мне только прийти и объявиться, позвольте мне, мол, афишки повесить, и тотчас забота необычайная:

«Позвольте, да мы... да вы... да, может быть, вам в этой гостинице неудобно?.. Да, может, прислуга неучтива?.. Да вы не беспокойтесь!..» Совсем как в бессмертной комедии господина Гоголя. Или как по-польски: «Може а? може цо? може вбды? може сядать?»

Я ничего не понимаю! Удивительное какое-то пошло время. Готовлюсь к завтрашнему сеансу: в цирке, в кинематографе, в семейных домах – не все ли равно? На всякий случай расспрашиваю у швейцара, у коридорного, у буфетчика о местных жителях. Они рассказывают охотно. Ведь все люди суеверны, а эти эфиопы видят во мне существо особенное. А уж что все люди сплетники – это абсолютная аксио-

ма. Подумайте только: ведь я Гад! И уже я успел наврать им столько лестного и страшного, что они ходят как очумелые. И только издали глазами умоляют, такими влажными, собачьими глазами: «Милый, погадай еще разочек». Но нет. Мой принцип такой: в гостиницах служащим я гадаю бесплатно, но только один раз: пускай, мерзавцы, будут навсегда заинтригованы. Понимаете, окружаю себя этаким дымным облаком таинственности, но на чай даю хорошо.

И вот, ровно в два часа пополудни сижу я, полирую ногти и обдумываю, какой бы мне новый трюк запустить. Вы сами понимаете, что каждое искусство нуждается в разнообразии.

– Почему вы знаете, что я это знаю? – спросил я резко.

– Вот видите ли, – мягко возразил он, – ежели бы вы не задали мне этого вопроса, я не был бы уверен... А теперь я наверно скажу, что вы человек... какого-то... – он два раза щелкнул пальцами, – какого-то... искусства...

Широкополая шляпа, белый галстук, повязанный бабочкой, цветок в петличке, небрежная манера сидеть, уменьше слушать... Для профессора вы молоды. Я бы сказал, что вы или писатель, или...

– Это неважно, – перебил я моего удивительного собеседника. – Ну, полировали ногти... разнообразие... дальше?

– Да. И вдруг бомбою влетает ко мне коридорный лакей: «Так что к вам сама генеральша, спрашивает вас!» Я вижу, что он трясется, и сейчас же его одной рукой за карчик, другой – пять рублей в зубы. «Что? Как? С кем? Когда? Сколь-

ко? Кому? Где? Дети? Слабости?» Он – как горохом сыплет. И вот сеанс. Густая вуаль. Духи самые лучшие. Muskus, амбра и крем деваниль... Сорок три, сорок пять, крайнее – пятьдесят лет... Я расшаркиваюсь: «Извините, графиня, я одет не так, как следует». И поднимаю воротник сюртука, как кибитку. «Прошу сесть! Чем могу служить?»

– Вы меня, конечно, не знаете.

– Не знаю, ваше превосходительство. Но если я сообщу мои магнитные токи с вашими токами и с токами земного меридиана, при помощи напряжения воли и окрутения себя магическим цилиндром по системе йогов, то буду непременно знать ваше настоящее, прошедшее и будущее.

– Но почему же вы узнали, что я генеральша?

– Извините, – может, я ошибся. Я сказал случайно, как сказалось.

– Ах, нет. Вы какой-то странный. Я чувствую, что начинаю вибрировать в вашем присутствии, я надеюсь, что все, о чем я вас спрошу, останется между нами тайной?

– О, несомненно, мадам! Тайной, более сокровенной, чем врачебная и адвокатская.

– В таком случае я вам верю. Расскажите мне все, все, все... И, прошу вас, телепатируйте, телепатируйте.

– Простите, сударыня. Я не могу войти в транс без моего медиума.

Зову Августу. По обычной системе «тридцать шесть», угадываю все предметы, которые на генеральше находятся, и да-

же метку на ее носовом платке, через запертую сафьяновую сумочку. Августа превосходит самое себя. Минутами мне самому кажется, что вот-вот Августа умрет от нервного потрясения или погрузится в вечный летаргический сон. Все гнусные сплетни, всю грязь воображения маленького захолустного губернского города я превращаю в воздушное пирожное. Губернаторша сама идет мне навстречу вздохами, охами, намеками. Черт побери! Если человек жаждет быть обманутым... В конце концов блондин, товарищ прокурора, хочет хлопотать о переводе, но сила любви все превозможет, и он останется у ног пышной красавицы, соблазнительной брюнетки. Затем несколько пассив. Августа погружается в глубокий, спокойный сон. Графиня встает вся мокрая от слез, дряблая, трясущаяся, и руки у нее прыгают, когда она сует мне сторублевую бумажку и бормочет:

– Но вы удивительный!.. Поразительный!.. Прошу вас, скажите откровенно, если мало. Я бы вас очень просила сделать несколько ваших прекрасных опытов у меня дома. Обещаю вам, что будет только свое интимное общество... У нас есть свой маленький избранный кружок спиритов.

Ну, вы, конечно, понимаете, что я на следующий день в городе *persona gratissima*¹. Вся знать, полужанья, а за ними и всякая сволочь стоит вереницей от моего номера вниз по лестнице и до самого подъезда. Заискивают у швейцара и суют ему в руки трехрублевки, чтобы замолвить о них сло-

¹ Самое значительное лицо (*ит.*).

вечко. Тот входит в роль, но я ему не препятствую. Я знаю, что ночью он придет ко мне и униженно попросит погадать ему. Я ему погадаю и об его больной печени, и об отекавших ногах, и о беспутном любимом сыне-биллиардисте, и о том, что он думает взять в аренду какое-то большое дело, и пускай смело берет, – не раскается. Он уйдет от меня обласканный, счастливый да вдобавок сообщит мне с три короба сведений о моих дальнейших пациентах.

Ах, черт возьми! Как и откуда пришло это неожиданное время? Ей-богу, я до сих пор понять не могу. Но, верите ли, мне предлагали ужасные вещи: лечить прикосновением параличных и исцелять идиотов, заговаривать сифилитическую экзему, чуть ли не воскрешать умерших. Откуда это взялось? Прямо точно внезапный ветер какой-то... Ну вот, как в Новороссийске... ни с того ни с сего свалится откуда-то бора... такой ветер... и перевернет к чертовой матери телеграфные столбы, груженные вагоны, деревья, каменные заборы... Честное слово, ничего не понимаю. Да вот, далеко ли ходить за примером? Был у меня товарищ, так, дурак, болтун, пьяница, нахал. Главное удовольствие у него было либо спать, либо пить до чертиков, либо бить кого попало на улице. А карьера его очень простая. Сначала банщик, потом уличный кот, потом вышибало, потом певчий. Слуху у него никакого не было. Но, правда, рявкал, как лев. И вот, представьте себе, правит, как сатрап, всей Какуевской губернией. Возьмет, мерзавец, на самом пышном банкете, в при-

сутствии всех чиновников и разодетых дам, возьмет вымоет свои грязные волосатые руки в чашке и скажет: «Вы, кобели, и вы, девки, пейте сию воду, потому что смирение выше всего». И что вы думаете? Пьют! Одного станового в двадцать четыре часа раскассировал и выслал из губернии. За что? Недостаточно внимательно отдал честь. Видал-миндал?

Я на эти вещи не рисковал. Я человек хоть негодный, но все же настоящий христианин, верующий. Я просто только чувствовал, что пахнет жареным. Я скромно думал: «Зачем заноситься? Возвеличишься, ан глянь, тебя и по шапке. И не вспомнишь, как тебя Сенькой звали». Думал я, скопить бы этак тысяч десять – двенадцать и открыть бы в каком-нибудь городишке свой собственный кинематограф. Дело верное, питательное и никому не обидное. Кто умеет. И только, бывало, это самое задумаю про кинематограф, и все у меня выходит ладно и чинно... Вдруг трах! На сцену является артиллерист. Впрочем, иногда и сапер, но все-таки чаще артиллерист. И все пошло к черту. Нет ни кассы, ни усыпляющей женщины, и опять строй здание на песке.

– Нашли бы другую, – вяло посоветовал я.

– Ах, вы этого не поймете... Привычная работа... А впрочем... Пойдите...

Он вдруг выпрямился, точно его кольнули шилом, и крепко обхватил мою руку длинной, узкой, цепкой, холодной рукой.

Мимо нас проходили двое – в темноте было трудно разо-

братъ. Высокая, молодая и, судя по походке, полная женщина и рядом, выше ее на полголовы, стройный мужчина, позвякивавший на каждом шагу шпорами. Мы помолчали, пока их силуэты не поглотились темнотой ночи.

– Ну вот, так я и знал, – сказал уныло мой случайный собеседник, поднимаясь со скамьи. – Так и знал. Ах, а что бы я мог сделать в этом городе! Я бы здесь буквально катался как сыр... А впрочем... Извините за беспокойство, господин поэт, – может быть, я вам надоел... Прошу только одному верить: разблестался я так в первый и, конечно, в последний раз в моей жизни...

Длинный, худой, он приподнял кверху свою шляпу-котелок, склонив при этом голову набок, и ушел медленными, беззвучными шагами. А через пять минут и я ушел из Царского сада, нанял извозчика до вокзала и поехал в Петербург. Все это было в 1893 году, не то в июне, не то в июле...